

моск. правда - 1957 - 5 янв. - с. 15.

▼ СТАРОЕ=ДОБРОЕ

МОСКОВСКАЯ
ПРАВДА

Ираклий АНДРОНИКОВ, из воспоминаний "К музыке" ("Музычна Україна", Киев)

ПИСЬМО Ф.И.ШАЛЯПИНА К М.ГОРЬКОМУ

Несколько лет спустя после войны мне посчастливилось в Казахстане, в Актюбинске обнаружить чемодан, до отказа набитый рукописями русских писателей, актеров, художников, музыкантов, ученых, полководцев и государственных людей XVIII, XIX и отчасти XX века. Эта коллекция принадлежала в свое время известному ленинградскому собирателю А.Е.Бурцеву. Бурцев был хорошо знаком с М.Горьким. Поэтому неудивительно, что в актюбинском чемодане нашлся документ из архива писателя. Это — обращенное к М.Горькому письмо Ф.И.Шаляпина. Оно очень и очень значительно. И дополняет представления наши не только о той долголетней творческой дружбе, которая связывала великого русского певца с великим писателем, — об этом мы знаем из других дошедших до нас 40 писем (21 письмо Шаляпина к Горькому и 19 писем к Шаляпину Горького). Нет, новое письмо особо значительно потому, что содержит рассказ Шаляпина об одном из самых выдающихся событий его артистической жизни. И даже больше — об одном из важнейших событий в истории русского музыкального искусства. Речь в этом письме идет о гастрольях в Париже "Русской оперы" С.П.Дягилева и о представлениях оперы Мусоргского "Борис Годунов" с Шаляпиным в главной роли.

Это было весною 1908 года. Премьера состоялась 19 (6) мая в театре "Grand Opera". Кроме Шаляпина, в спектакле участвовали Д.А.Смирнов (Дмитрий), В.И.Касторский (Пимен), И.А.Алчевский (Шуйский), В.С.Шаронов (Варлаам), Н.С.Ермоленко-Южина (Марина), М.М.Чупрыников (Юродивый) и другие солисты императорских театров.

Шел "Борис Годунов" в постановке А.А.Санина, в декорациях А.Я.Головина, К.Ф.Юона и А.Н.Бенуа; хором московской оперы руководил У.И.Аврамек; дирижировал оперой Ф.М.Блуменфельд.

Как пишет биограф Дягилева, впечатление от спектакля было невероятное. Публика в холодном-нарядном кресла, иступленно кричала, стучали, махали платками, плакали... Французская столица была завоевана. С этого дня не только Франция, весь мир стал постигать гений Мусоргского и чудо искусства — Шаляпина. Артисты всего мира, не только оперные артисты, и не только в "Борисе", стали учиться у Шаляпина, стали петь и играть иначе — не так, как играли и пели до тех пор.

Если перед спектаклем Шаляпин волновался от неуверенности, как перед одним из ответственных испытаний в своей артистической жизни, — об этом рассказывал Дягилев, — то после премьеры он был глубоко взволнован грандиозным успехом. И впечатлениями своими хотел поделиться прежде всего с Алексеем Максимовичем Горьким. По окончании парижских гастролей, уже на борту парохода, идущего в Аргентину, где его ждет новый успех, Шаляпин берется за перо и на бланке "Гамбургско-Южноамериканского пароходного общества" пишет:

"Дорогой мой Алексей!

Мне просто стыдно, что я не нашел времени написать тебе несколько строк.

Сейчас, уже на пароходе, хочу тебе похвастаться огромнейшим успехом, вернее триумфом в Париже. Этот триумф тем более мне дорог, что он относится не ко мне только, а к моему несравненному, великому Мусоргскому, которого я обожаю, чьему и которому поклоняюсь. Как обидно и жалко, что ни он, ни его верные друзья не дожили до этих дней, великих в истории движения русской души. Вот тебе и "Sauvage" ("дикарь") — ловко мы трянули дряхлые души современных французов. Многие — я думаю — поразмыслят теперь, пораскинут гильем своим в головешках насчет русских людей. Верно ты мне писал: "Сколько ни мучают, сколько ни дают несчастную Русь, все же она родит детей прекрасных и будет родить их — будет!!!" Милый мой Алеша, я счастлив, как ребенок, — я

еще не знаю хорошо, точно, что случилось, но чувствую, что случилось с представлением Мусоргского в Париже что-то крупное, большое, кажется, что огромный корабль — мягко, но тяжело — наехал на лодку и, конечно, раздавит ее. Они увидят, где сила, и поймут, может быть, в чем она.

Сейчас я еду в Южную Америку и вернусь в середине сентября в Европу. Дорогой, мне ужасно стыдно, что я тебе, во-первых, опоздал, а во-вторых, прислал только три тысячи фр. Но это ничего, я приеду из Америки, привезу или пришлю тебе еще. Одно обстоятельство непредвиденное, о котором я могу тебе только рассказать на словах, поставило меня на некоторое время в смешное финансовое положение.

Осенью я тебе пришлю мои фотографии Бориса Годунова и некоторые статьи журналов о Борисе, а теперь я еще не знаю хорошо и точно, что писал, — знаю только, что писал много.

В Париже я пел в граммофон, и пластинки мои вышли замечательно хорошо. Я просил фирму "Граммофон" послать тебе на Капри машину и диски и уверен, что они все это сделают, — предупреждаю тебя, что платить им ничего не нужно, а когда получишь, послушаешь, то черки мне твоё впечатление в Buenos Aires — Theatre Colon.

Марья со мной не поехала, а осталась дней на десять в Париже, так как очень захворала. Прошу тебя, передай мой привет и поцелуй ручку Марье Федоровне, а тебя целую крепко я, твой Федор.

P.S. ..."

"Русский сезон" Сергея Дягилева и особенно выступления Шаляпина произвели на французов впечатление столь сильное и оставили след настолько глубокий, что пять лет спустя, в мае 1913 года, в дни дягилевского сезона Шаляпин вновь пел в Париже Бориса. И снова парижская пресса писала о "блестящей победе" и о "новом торжестве" русского искусства в Европе.

Итак, Шаляпин выступал в Париже в роли Бориса в мае 1908 и в мае 1913 года. Публикуемое письмо не датировано, последние строки, приписанные после знака "P.S." на отдельной страничке, до нас не дошли. Тем не менее, решая вопрос о том, к какому времени отнести это письмо, мы можем уверенно датировать его 1908 годом. Именно в том году по окончании парижских гастролей Шаляпин уехал в Южную Америку и выступал в Буэнос-Айресе ("Русская музыкальная газета", 1908, № 34 — 35 за 24 — 30 августа). Упоминание в конце письма имени М.Ф.Андреевой точно так же заставляет отнести письмо к этому времени: в 1913 году Марии Федоровны Андреевой на острове Капри не было (уточнено Е.П.Пешковой).

Казалось бы, аргументом в пользу 1913 года служат слова о Мусоргском и о "его верных друзьях", которые не "дожили до этих дней, великих в истории движения русской души": в мае 1908 года еще был жив Н.А.Римский-Корсаков, в инструментровке которого шел "Борис Годунов". Его-то именно и должен был, прежде всего, иметь в предмете Шаляпин, когда вспоминал друзей Мусоргского. Однако следует принять во внимание, что письмо пишется в Атлантическом океане, после окончания гастролей в Париже — последний спектакль "Бориса" состоялся 4 июня. А Римский-Корсаков умер 8-го. И под свежим впечатлением от дошедшего до него горестного известия Шаляпин вспоминает о нем, о Бородине и о Мусоргском — великих творцах русской музыки, покорившей французов.

В день открытия в Париже гастролей оперы Дягилева редакция газеты "Matin" поместила статью Шаляпина "Цветы моей родины", в которой он рассказывал о Мусоргском и — что очень важно для восприятия публикуемого письма — о своем друге Горьком. "...Я люблю свою родину, — писал Шаляпин в этой статье, — не Россию каваса и самовара, а ту страну великого народа, в которой, как в плохо обработанном саду, столько цветов так и не суждено было расцвести". Упомянув "славное имя Мусоргского" и еще "шедевр" — оперу "Борис Годунов", Шаляпин более половины статьи посвящает личности Горького и, называя его "мой друг Горький", восклицает: "...Как он чист, как он честен, как безусловно честен... мне стыдно потому, что я не так чист, как этот чистый цветок моей родины". А в конце статьи делится своей верой в будущность русского искусства и своей "чуждой землей".

Успех парижских спектаклей Шаляпин оценивал правильно. Это был не только его собственный успех, величайшего певца и замечательного актера, не только успех гениальной оперы Мусоргского, а триумф всего русского реалистического искусства в пору, когда во Франции господствовали модернисты, которых вместе с их почитателями и подразумевает Шаляпин в строках, где говорит о "дряхлых душах современных французов".

Шаляпину хотелось услышать суждение Горького и об этом триумфе, и о своем исполнении еще и потому, что он знал, как относится к нему Горький, как высоко ставит его в русском искусстве. Мнение Горького о Шаляпине известно. И тем не менее каждый раз, перечитывая эти отзывы, мы удивляемся горьковской прозорливости, его умению видеть масштаб явления. "Ты в русском искусстве музыки первый, как в искусстве слова первый — Толстой, — писал Горький Шаляпину несколько лет спустя. — Это говорит тебе не льстец, а искренно любящий тебя русский человек, — для которого ты — символ русской мощи и таланта... Так думаю и чувствую не я один, поверь. Может быть, ты скажешь: а все-таки — трудно мне! Всем крупным людям трудно на Руси. Это чувствовал и Пушкин, это переживали десятки наших лучших людей, в ряду которых и твоё место — законно, потому что в русском искусстве Шаляпин — эпоха, как Пушкин".

О недостатках Шаляпина, которые в конце жизни оторвали его от родины, Горький знал лучше многих. И не скрывал их. Но считал, что ценить этого великого художника надо высокой ценой.

"Ф.Шаляпин — лицо символическое, — писал он в 1911 году Н.Е.Буренину. — ...Федор Иванович Шаляпин всегда будет тем, что он есть: ослепительно ярким и радостным криком на весь мир: вот она — Русь, вот каков ее народ — дорогу ему, свободу ему!"

Думается, что новое письмо Шаляпина послужит существенным дополнением к его переписке с Горьким. Как много узнали мы из него и о дружбе этих великих людей, и о глубоких прогнозах Шаляпина, и о громадном авторитете русского искусства за рубежом, чему мы получаем теперь каждый день все новые и новые доказательства...